

V.

III * * * В у.

Шалунъ,увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Циперой,
 Гдѣ нѣжился Тибулль, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пипомеца Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашь игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любишь открытою душою,
 Въ молчанья чувствовалъ, плѣняясь красотою:
 Вонъ жребій мой; ему я слѣдовашь гоповъ,
 Но, милый, сжалъся надо мною,
 Не требуй опь меня спиховъ!
 Невѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣплены:
 Докучной испинѣ я поздній вижу свѣпъ.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеніи
 Мечтѣ шепнувшей: ты поэшь,
 И, презря мудрые угрозы и совѣты,
 Съ небрежной лѣнотою нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я презвый межъ друзьями,
 Бывало, пѣль вино водяными спихами;
 Мечташельныхъ Доридъ и славилъ и бралилъ,
 Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
 И сонные спихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
 Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
 И, спрогимъ опытомъ невольно пробуждёнъ,
 Уснувъ межъ розами, на пернахъ я проснулся,
 Увидѣль, чѣто еще не генія печать
 Охопа смершная на рифмахъ лепешатъ,
 Сравнивъ спихи твои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писать.